

КОРОЛЕВЫ

ВОИНОВ

БЕЗЫМЯННЫЙ ИДЁТ,
ПУСТОТОЙ РОЖДЁН...

КРОВЬЮ ДРЕВА КЛЯНУСЬ

ЮЛИЯ ЗОНИС

Королевы воинов

Юлия Зонис

Кровью дерева клянусь

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зонис Ю. А.

Кровью древа клянусь / Ю. А. Зонис — «Эксмо»,
2026 — (Королевы воинов)

ISBN 978-5-04-256425-3

Дубравка, выросла в княжеском доме вместе с Мирославом, наследником Древоचारского княжества, но с детства знала, что она здесь чужая. Единственным напоминанием о ее настоящей матери был таинственный амулет в виде цветка, который она носит на шее. Именно эта древняя реликвия, способная изгонять нечисть, неожиданно делает её ключевой фигурой в планах тарханского царевича Барласа. Сможет ли девушка, не зная своего истинного происхождения, с помощью материнского дара защитить тех, кто ей дорог? Мирослав и Дубравка — молочные брат и сестра, но он наследник Древоचारского княжества, а она дочь нищенки-чужеземки. Мирослава ждёт политический брак с княжной Полесья, а Дубравка должна смириться с жизнью прислуги. Однако появление неожиданных гостей на венчальном пиру меняет всё...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256425-3

© Зонис Ю. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Кровью дерева клянусь	6
Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юлия Зонис

Кровью дерева клянусь

Иллюстрация на переплете художницы DAFAQ

© Зонис Ю., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Кровью древа клянусь

Часть первая Мирослав и Дубравка

*Беги туда, где любят,
Ищи любви, ее ты стоишь.
Сердце Снегурочки, холодное для всех,
И для тебя любовью не забьется.*

А. Островский, «Снегурочка»

Пролог Зимница

Едет санный возок, под полозьями снег поскрипывает. Скрип-скрип. Ночь снаружи, внутри тлеет фитилек в глиняном каганце. Крыт возок медвежьими да волчьими шкурами, внутри тепло и душно, а снаружи лютует мороз.

Едет возок не один, целый санный поезд влачится от самого Ярограда. Направляется в тарханский стан, где молодой нойон Барлас, названный сын самого владыки Подмирья Эрлика, ждет невесту. А невеста не волей своей идет за нойона. Княжна Велеслава, дочь князя-жреца Берендея, часть богатого оброка. Тут и шкуры беличьи, лисьи, куньи, соболя, и гривны серебряные, и ларцы из дерева благородных пород, набитые самоцветными украшениями. Все – часть ее приданого. Не под силу берендеям сражаться с тарханами, куда там лесному племени тягаться с войском, покорившим и разграбившим сам Гюлистан!

Тоскует невеста. Душно ей, тяжело. Весной только стукнуло Велеславе четырнадцать годков, ей бы с подружками еще хороводы водить по священным дубравам. Нет, волей князя-отца едет в тарханский стан, а если по чести говорить, то в полон. У нойона сорок законных жен и, говорят, еще три сотни наложниц, быть ей младшей и нелюбимой, прислуживать знатым тарханкам. Есть от чего закручиниться. Так невесте тошно, что хоть опрокинь каганец, а когда пламя лизнет шкуры, выскочи из возка и в лес беги. Да где там. На носу свирепый Карачун, день, когда у Ярилы меньше всего над миром власти. Сгинет княжна молодая, замерзнет, или волки сожрут.

– Нянюшка, – говорит Велеслава, грея озябшие пальцы в рукавах меховой шубы. – Нянюшка, расскажи мне сказку, и дорога короче покажется.

Няня Марлуша, крепкая для своих немалых лет, морщинистая и не по-берендейски смуглая, ворчит, ворочается на лавке напротив княжны.

– Ночь на дворе, ласточка моя, – отвечает она. – Какие сказки, поспать бы тебе. Да и не так уж ты мала, чтобы сказки мои слушать – поди, невеста уже.

Велеслава давит в груди горестный всхлип.

– Ох, горе мое, горе луковое, – смягчается няня. – Хорошо, расскажу я тебе – но не сказку, а быль. Про родное свое село, Богумилово, что под Яроградом...

– Да как же, Марлуша, – перебивает ее княжна. – Знаю я все села под нашим стольным градом, и Червоно, и Зорево, и Лесняны... нету там сельца Богумилово.

– Потому и нету, – непонятно отвечает няня. – Вот ты послушай.

* * *

Тому уж две або три сотни лет как стояло под Яроградом богатое село Богумилово. Жили большие бортничеством да охотой, молились Яриле, Ладе да снежной богине Моране. Это теперь Морана в чести у берендеев, а тогда немногие ей поклонялись. Только ежели до самого травня, а то и червения снега лежат, поневоле и Карачуну молиться начнешь. Так вот. Приблудилась как-то в село девчонка маленькая, годков так пяти-шести от роду. Пришла она зимой, в самый мороз, накануне Дня Карачунова – вот и называли ее люди по-простому, Зимницей. С лица пригожа была, волос светлый, очи зеленые, словно вода озерная в полынье, только больно бледна, как будто сама Морана ей в лицо холодом дохнула.

Жили в том селе добрые люди, бортник Тихон да жена его Милава. Не было у них детей, а сами уже старики – ну и удочерили они приблуду. Росла она краше солнышка, пела, как ручеек, только больно была несмешива. Понятно, парни за ней с малых лет бежали. Вот и ученик тогдашнего волхва, златокудрый Лель, как увидит красавицу – так и пригорюнится, начнет на сопелке своей играть. А была у его музыки такая власть, что и звери лесные, и птицы небесные приходили послушать, и даже сам Ярила лик свой из-за туч казал. Только сердце Зимницы не мог он песней своей растопить, вот и маялся, год за годом чах. Другие парни отступились давно, нашли себе девок попроще, чтобы с ними на Купалу через горячий костер прыгать и после – в роце березовой миловаться, а Лель нет, все ходил за красавишней, как тень.

Только пришла в ту годину на землю берендеев беда. Стрыйчичи наши, древоচারы, давно на земли берендеевы зарились. Хотели священные дубравы срубить, на их месте свои города и села понаставить, а землю под посевы распахать. Князь их старый, Вепрь, на что был любитель ратных утех, а все же договор с тогдашним Берендеем читил. А как помер, и власть перешла к сыну его, Лютовиту, так все и пошло. Поставил он над войском воеводу, тоже молодого, да уже в сражениях славного, Мизгиря. Тот, говорят, бился и с самими полесичами, и с гривцами, и даже с хазарами да тарханами на южных и восточных рубежах. Что ему какие-то лесные жители, бортники да ловцы. Огнем и мечем пошел Мизгирь по землям берендеевым, и подступил уже к самому Ярограду. А сельцо Богумилово на пути его войска оказалась.

Была в тот год лютая, суровая зима. Волхвы уж и не чаяли до Ярилы дозваться. Лель с дудкой своей все бродил по лесу, Ладу кликал, но и Лада его не слушала. Тогда вспомнили люди о старых богах. Стояла в самой чащобе, в ельнике глухом избушка, и жила в ней – кто говорил, колдунья да знахарка, а кто, что и навица, жрица самой Мораны. Давно не доставляли ей приношений для страшной ее богини, и зла была та навица на род людской, лика в село не казала. Ну, что поделать? Сам князь-жрец Берендей тогдашний со свитой отправился в лес. Прихватил и кунных шкур, и меда, и зерна, и все кинул в прорубь по велению навицы. Та зажгла священные травы и задала своей богине вопрос: как отвести беду, как справиться с войском древоचारов?

И закаркал ворон в ее избе, и раздался тихий смех, словно лед потрескивал на реке от мороза. А затем рассмеялась и сама навица. Обернула лицо свое к Берендею и говорит: «Воевода Мизгирь молод и до женской красоты охоч. Вот и отправь к нему в стан Ледяную Деву».

«Что за Дева такая?» – спросил Берендей.

Зыркнула на него навица вороньим глазом.

«Забыли вы, – говорит, – берендеи, заветы дедовы. В ночь на Карачун надобно привести самую красивую девку к священной ели и привязать хорошенько путами из конских жил. И оставить ее, вкупе с жертвой кровавой, козой там али телицей, а наутро, если примут Морана и Карачун ваши дары, из девки той явится Дева Ледяная. С лица прекрасная, а внутри холодная, как самая лютая стужа, и поцелуй ее вмиг заморозит любое, даже самое ярое, сердце. Что, князь Берендей, есть у тебя на примете такая девка?»

А с Берендеем в избушку навицы пришли и старый волхв, и при нем молодой Лель. Все в Богумилово ведали про страсть Леля к Зимнице да про то, как девка холодна и как сердце свое бережет.

«Есть у нас такая», – кивнул волхв, и снова рассмеялась навица, словно морозные звезды в небе хохотали над людшиками внизу.

Лель-то, конечно, воспротивился – но куда против своих попрешь? Тихон да Милава ни за что бы добром девку, дочь свою неродную, не отдали, и не хотели волхв с князем народ в селе бередить. Сговорились так: позовет Лель Зимницу в лес, якобы на знакомый холм, игру свою волшебную послушать, там ее и встретят у священной ели и сделают, как заповедала навица.

** * **

– Ах, как страшна твоя сказка, нянюшка! – мотает русоволосой головой Велеслава и даже ногой в сапожке притопывает. – Не хочу такую дальше слушать.

Отворачивается она к окошку, затянутому бычьим пузырем, да что за окошком тем видать – только смутные тени конных, что санный поезд сопровождают, да размытый свет факелов. Ни земли, ни неба, ни леса, ни жилья человеческого, лишь снег, мороз и путь бесконечный, до самого тарханского стана.

– Вот бы сейчас жил тот воевода Мизгирь, – вздыхает княжна. – Он бы сразился с немилым Барласом и землю нашу спас.

Марлуша в ответ только хмыкает. Стучат костяные спицы – вяжет она топотушки малые для будущих чад своей княжны.

– Барлас не просто чернокнижник и нелюдь, – тихо говорит она. – Он удалой хоробр, покоривший Гюлистан и поднебесное царство Цинь. Сама госпожа наша Морана склонила перед ним главу, пропустила глубоко в земли берендеевы. Не справился бы твой Мизгирь, да и умом он особым не отличался, хоть сердцем был яр.

Княжна оборачивается к ней.

– Почему, нянюшка?

– А вот послушай...

** * **

Плакала душа Леля, как плакала его свирель, а что поделать? Землю родную спасать надо, народ выручать. Зимница привыкла другу светлокудрому верить, да и мог ли обмануть ее, невинную девицу, ученик волхва? Пошла она с ним в чащу, на заветный холм, о дурном не помыслив.

Завел ее Лель к священному древу, а там уже стражники берендеевы дожидаются. Примотали они красавицу конскими жилами к колючей, мохнатой елке, к ногам ее приношение кровавое положили и ушили. А Лель не мог уйти, но не мог и на глаза показаться. Запрятался в ельнике, сидит и выжидает – когда Карачун-мороз за девицей пожалуется? Светят с небес ледяные зимние звезды, такие яркие, что видно почти как днем, да скалится щербатая поло-

винка луны. А Карачун не торопится, в чаще уже и волки воют, чувствуют свежую кровь. Вот уже и глаза их зеленые замерцали среди ветвей. Вот уже выступили на поляну горбатые тени...

Заплакал Лель и на свирели своей заиграл – пусть сначала его волки сожрут. Только что за диво? От священной ели свет на поляну разливается, и исходит тот свет от подружки его, от сиротки Зимницы! Выбежал Лель на снег и глядит: пути с рук Зимницы плетью выюнка спадают, а теля жертвенное, что в снегу перед ней лежало, вскакивает на ножки.

Тут Лель бухнулся на колени в снег и спрашивает:

– Кто же ты такая на самом деле, великая богиня?

А та отвечает:

– Звать меня Жива, я дочь Лады и мороза свирепого, Карачуна. Поспорили как-то отец мой и мать. Мать говорила, что люди добры и в сердцах их живет любовь, а отец – что сердца их, как лед, холодны. Мать ему не уступала, и совсем осерчал Карачун. Решил со злости заморозить весь мир, и тогда Лада сказала: «Не делай так, муж мой. Отправим мы к ним нашу дочь, Живу. Сердце ее пока молодо и не знает любви. Если сумеет человек разжечь в ее сердце огонь, тогда я права, а если нет, если погубят ее люди – значит, твоя правда».

– Что же это за родители, – воскликнул Лель, – которые дочерью своей готовы пожертвовать ради спора?

Усмехнулась Жива-Зимница.

– Знай же, ученик волхва, что не могу я умереть – каждой весной оживаю, хоть закопай меня в землю, хоть вморозь в самый крепкий лед. Однако убедилась я, что люди злы и корыстны. Сделаю так, как вы хотите, – отправлюсь в стан Мизгирия, и поцелую его, и превратится сердце его в кусок холодного льда, и сгинет Мизгирь. Но и ты, Лель, помни наш уговор. Коли не сожгут село ваши древоচারы, я вернусь в Богумилово и тогда поцелую тебя. Согласен ли пожертвовать жизнью своей молодой?

Склонил Лель кудрявую голову. Уж и так не чаял он выбраться из леса, и кручина его глодала, что заманил Зимницу на смерть. Как не согласиться, если спасет он тем народ берендеев? Лишь одно печалило его. Победил в споре Карачун, а Лада проиграла. Не нашла Зимница-Жива в людях добра, только смертный холод.

* * *

– Но как же так? – возмущается княжна Велеслава. – Ведь не своей волей повел он девицу в лес? И готов был жизнью пожертвовать, чтобы народ берендеев спасти. Разве он плохой человек?

– Ох ты ж, донюшка моя. Плохой ли человек отец твой, нынешний князь Берендей, что отправил тебя царевичу Барласу как часть оброка? Плох ли был и Мизгирь, по приказу господина своего воевавший с соседями, что ему зла не сделали?

Хмурится Велеслава, кусает губы.

– Это все навица, – наконец восклицает она. – Это она и нечестивая ее богиня Морана придумали. И злой Карачун, что хотел людей заморозить!

– Значит ли это, – спрашивает няня, переставая на миг стучать спицами, – что только злые люди злы и делают зло, а добрые всегда добры?

– Да, так, – кивает ее княжна.

– А вот если царевич Барлас полюбит тебя всей душой, красна девица, – тихо говорит няня, – и откроет тебе свое сердце, как Мизгирь Зимнице, и пустит внутрь – а ты ударишь его прямо в сердце ножом, добро ты совершишь или зло?

Велеслава отшатывается и со страхом глядит на нянюшку.

– У меня и ножа нет, – жалобно говорит она, прижимая ледяные пальцы к горящим щекам.

– А нож и не надобен. Достаточно костяной спицы. Вот сюда, в подбородь, в мякоть.

Няня приподнимает голову и показывает на собственную нижнюю челюсть с отвисшими складками кожи.

– Или вот сюда, в потылицу.

Марлуша снимает платок, и черные с серебром косы ее, как змеи, падают на грудь, и кажется молодой княжне, что не нянька старая перед ней сидит, а проклятая навица и, кабы не самолично, злая богиня Морана.

– Нет! – Велеслава мотает головой. – Нет! Расскажи мне, чем кончилась сказка, нянюшка!

Марлуша смотрит на нее какое-то время глазами, темными, как само Подмирье, а потом повязывает обратно платок и вновь начинает стучать спицами. Мерно, неторопливо течет ее сказ.

* * *

Как обещала Жива-Зимница, так и сделала. Явилась она пред очи воеводы Мизгиря, прекрасная и холодная, и возгорелось в сердце Мизгиря пламя. Бросил он к ее ногам все богатства свои: и куньи и соболы меха, и драгоценные кубки, и серебро, и золото, и даже меч свой славный.

– Все сделаю для тебя, краса, – воскликнул Мизгирь, – лишь стань моей.

– Хорошо же, – улыбнувшись, ответила дева, – стану я твоей, если ты убьешь князя своего, Лютовита, и вместо него на престол древочаров воссядешь.

Так и свершилось. Развернул свое войско Мизгирь из-под самого Богумилова, огнем и мечом прошелся по собственным землям, вплоть до стольного града древочаров, Велеяра, и отрубил голову молодому князю Лютовиту, и сам воссел на престол. Стали они править с Зимницею. А Лель в Богумилово все ждал. Ждал, когда придет по его душу Ледяная Дева и одарит его смертным поцелуем.

Шли годы, лето сменяло зиму, и снова приходила зима. В урочный час умер старый волхв, и Лель занял его место. А дева все не приходила. Слухи неслись по всей земле, что славным князем стал Мизгирь, что правление его справедливое и мудрое, что расширил он пределы земель своих на закате аж до Бель-реки, и притихли на востоке свирепые тарханы, и гривцы на севере перестали разорять мирные селения. Шептали также, что мало в том воли княжесей, и что правит всем его молодая да пригожая жена.

Годы шли. Совсем состарился Лель. Время согнуло спину его, глаза стали плохо видеть, слух ослаб – но продолжал он ходить в лес, на тот холмик, где так часто играл подруге своей Зимнице на сопелке-свирели, и прислушивались к нему звери из чащи, и даже кикиморы болотные внимали его игре. Сменилось в Ярограде уж два не то три Берендея, когда явилось из Велеяра посольство. Желал князь Мизгирь выдать младшую дочь свою, Люболику, за сына нынешнего князя, чтобы укрепить союз между их землями. Да вот незадача – прихворнул верховный волхв берендеев, не мог совершить обряд, и послали тогда за волхвом из ближайшего поселения.

Явился Лель в стольный град. Пришел, стуча посохом, в княжеский терем. Узрел он посольство древочарово, во главе которого был сам князь Мизгирь. Состарился князь, как и сам Лель, но стан его остался прям, плечи широки, и лишь тронула смоляные пряди седина. А рядом с ним стояла княгиня Жива – все такая же юная, все такая же светлая лицом.

Увидела она богумиловского волхва, улыбнулась.

– Как ты жил без меня все эти годы, Лель? – спросила, отведя старика в сторону.

– Ждал я тебя, государыня моя, – ответил ей волхв. – Ждал, когда придешь и одаришь меня ледяным поцелуем. А ты все не шла и не шла.

– А к чему это мне? – рассмеялась Жива-Зимница. – Не хочу я тебя целовать, старик! Люб мне муж мой, возжег он в сердце моем жаркое любовное пламя. А ты так и умрешь

никому не нужным и одиноким, ученик волхва, не отважившийся открыть свое сердце для любви.

И, смеясь, отошла она к мужу своему, оставив Леля стоять безгласным.

Много лет с тех пор прошло. Там, где стояли села, выросли леса, а на месте шумевших в те годы священных рощ пролегли дороги и раскинулись поля. Но, говорят, так и не помер Лель. Все ходит и ходит он в лес, на заросший травой холм, и играет на свирели зверям и птицам, и ждет, все ждет, когда смилуется над ним богиня Жива и одарит его смертным поцелуем.

* * *

– Я не поняла твою сказку, – тихо говорит Велеслава, кутаясь в соболью шубу. – Что же случилось с селом, жители которого обрекли Зимницу на смерть? И почему остался предатель-Лель безнаказанным да еще и получил дар бессмертия? А если потомки князя Мизгиря и Зимницы несут в себе божественную кровь, почему они не бессмертны, и почему древочары не помогли нам в войне с тарханами?

Старая нянюшка все вяжет, накидывает петлю за петлей, потряхивая головой.

– Богумилово-то вымерло уж полсотни лет как, не рождалось там здоровых деток. Видно, все же прокляла их Зимница. Что касалось Леля... думаешь, вечная жизнь была для него даром?

– Я не знаю, няня. Скажи хотя бы – хорошо или плохо кончилась твоя сказка?

Марлуша поднимает голову, чтобы ответить своей княжне, но тут снаружи доносятся конское ржание и человеческие крики. Похоже, гридни, сопровождавшие возок, наткнулись на что-то на лесной дороге. Мечется в оконце факельный свет.

– Ах, – выдыхает княжна, когда полог откидывается, и свет обрисовывает незваного ночного гостя.

А нянюшка незаметно вкладывает княжне в ладонь костяную спицу.

Глава 1

Нежеланная невеста

– Вот батя дал имечко.

Княжич Мирослав досадливо поморщился, потирая свежий синяк на плече.

– У предков – Лютомир, Ярослав, Бронесвят да Мизгирь, хитрость и сила, а у меня что?

– А у тебя мир, – ухмыльнулась Дубравка. – Мир нам сейчас нужнее.

– Легко тебе говорить. Ты – не княжна.

– Благодарствую, что напомнил.

Девица отбросила увесистый деревянный клинок, оставивший тот самый след на плече молочного брата, и повалилась спиной в сено. Взметнулись сухие травинки, Мирослав тут же расчихался. Слаб был здоровьем, вот отец его и щадил, не ставил супротив могучих гридней, сам уроки мечного боя давал. А с отцом родным как подерешься? Хотя сестренка молочная не миловала, уж приласкает дрючком так приласкает. Бой пускай и потешный, а ходишь потом весь в синяках. Но Мирослав не жаловался – не дай Велес, батя узнает, вообще из терема не выпустит.

Сейчас вон на сеновале прятались над княжеской конюшней. Внизу вздыхали кони. Тесно им было, и во всем подворье, да что там – во всем Беловодье в последние месяцы было тесно.

– Спасу нет от беженцев, – вслух заметил княжич, присаживаясь рядом с Дубравкой.

Та приподнялась на локтях, нахмурилась. На ней были рубаха да мужские портки, самое оно для потешного боя, а так, если честно, плюнуть охота. Девка тоща и похожа на парня, да

ладно бы доброго древочара. Нет, волосом темна, лицом смугла, черты лица вроде и тонкие, а чужие. И волосы заплетает не в добрую косу або две, как здешние девицы да жены, а во много-много мелких. Мирослав привык, а другие шептались за спиной – чужачка, приبلуда.

Пятнадесят лет назад нашли ее в старой перуновой роще. То есть, конечно, не саму ее – девка-то едва народилась, мамку ее с младенцем нашли. Забрела нищенка в рощу, да и померла там, прямо у расколотого молнией перунова дуба, рудой истекла. Вот и назвали сиротинку без затей, Дубравкой. О ту пору как раз и княгиня Милава разродилась, да молоком слаба была. А у стряпухи княжеской, Богуславы, ребеночек уродился мертвый, а молока в титьках что у коровы в вымени, три дня не доенной. Отдали стряпухе княжеского сынка на кормление, заодно и сиротку Дубравку пристроили. Так они и стали молочными сестрой да братцем. Как Дубравка подросла, пыталась ее Богуслава к кухарскому делу пристроить, а девчонке знай бы по деревьям лазать, яблоки в княжеском саду рвать да с мальчишками из дворни на дрючках рубиться. А брат ее княжич был тихий да мирный, лицом узок, аки чужеземный инок, волосом бел, одним словом – Мирослав. Удружили имечком. Все это, конечно, еще в Велеяре было, до того как перенесли стольный град за реку Белую, в Беловодье – подальше от тарханских орд, наступающих с восхода.

– Они не просто так бегут, – сдвув темную прядь с лица, с укором сказала Дубравка. – Столицу их пожгли, земли разорили злые тарханы, куда им деваться?

Тут Мирослав некстати вспомнил, что сестрица молочная и сама чужачка, как ей не стоять за чужаков? Хоть и не чужие берендеи, а родовичи, кровная родня. Стрыйчичи, считай, им, древочарам, и войн между ними уж давненько не было, с тех самых пор, как обженились дочка князя Мизгирия, славная Люболика, с молодым тогдашним Берендеем.

– А правду бабы шепчутся, – быстро перевел разговор Мирослав, – что княжна молодшая у берендеев, Велеслава, обернулась демоницей костяной и так в брачную ночь царевича Барласа когтями отделала, что тот уже двое лет как к нам путь забыл?

Дубрава запустила травинку в рот, куснула. Зубы у нее были белые и крупные, ну точно как у парня.

– Говорят, сподобила ее на то сама Морана, – раздумчиво ответила девица. – Нянькой ее прикинулась, заморозила, заклала. Только не так уж она Барласу и повредила, раз он после этого до самого Ярограда дошел и огню его и все села окрестные предал. И по нашим землям прошелся, лишь река Белая его войско и остановила, потому что разлилась в ту весну рано и больно широко.

– Слава Велесу, – тихо добавил Мирослав.

И сестрица его вторила: «Слава Велесу».

Всеу подземному миру Велес господин – и над водами, и над корнями земными, и над скотом, и над чарами навьими, Моране грозной супруг. Берендеи кликали его Чернобогом и опасались, не чтили достойно, за что и поплатились. Отошли их земли Черному Эрлику, тарханскому владыке Подмирья. А нынешнему князю древочаров, Стояру, жрецы Велеса ясно рекли: отступи за реку, в Беловодье, и народ, и себя спасешь. Что же, Велеяр сгинул в огне, а люди спаслись, еще и беженцев-берендеев у себя приютили во главе с несчастливым их князем. Да и откуда счастьем взяться? Сыновей и старших дочерей в полон угнали, народ побили, города пожгли, а младшая дочка, любимая, так и вообще невесть какой нечистью мыкается, если не изловили ее еще сильные эрликовы слуги-шаманы. Все оттого, что не клали поклон земных могучей чете, жертвенных даров не несли, молились все больше солнечному богу Яриле. Сильно помог им Ярила в тот злосчастный год...

Другие шептались, что надобно возродить былую веру в Перуна, доставшуюся от предков. Бог воинов, грозовой бог, глядишь, и поразит тарханов и нечестивого их нойона-царевича стрелами огненными. Да только ушел Перун. Сто али двести лет назад ушел, опустела его роща, поредела листва на расколоте дубе, и тихо стало на высоких его капищах. Говорили, отпра-

вился он на закат: то ли в древний Бизантиум, сражаться с Незримым, то ли вообще подался за Последнее Море, в чужие земли, на кораблях с полосатыми парусами и ярым соколом. Сто лет и боле не видали грозowego бога в этих краях. Вернется ли? Да и не по чину ему с богами Подмирья тягаться, то их навьи тайные дела, их битва.

– И пока побеждает Эрлик, – проворчал княжич вполголоса, за что и получил тычок в бок крепким сестринным кулаком.

– Не каркай! – сердито молвила Дубравка.

Добавила бы, может, и еще, но тут заскрипели большие ворота княжеского терема, загомонили во дворе гридни и кмети и послышались стук копыт и будто бы звон бубенцов.

– Али посольство какое у нас? – растерянно спросил Мирослав.

А Дубравка уже метнулась к краю настила да высунулась из-под нависшей крыши. Мирослав вздохнул, погладил еще раз плечо и на карачках двинулся за ней. Свесился, глянул – и обмер. Значит, не шутил отец, когда сказывал, что сговорил наследника за полесскую княжну, Бетулу, и что заслал уже сватов. Сваты-то, по его словам, три седмицы назад отбыли, а сейчас, поди, возвращались. То-то княжича со второй стражи кликали, искали, а он с сестрой на сеновале прятался, думал, опять византийский инок Диодор заставит словеса чужеземные учить.

В красивом лаковом возке, запряженном парой каурых, ехал дядька Добромысл, беловодский воевода, с ним еще двое местных бояр, Жар да Борислав. Следом конные гридни, числом двенадцать, из беловодской дружины. Оно и понятно. Чащи древоочаровы и полесские нынче стали опасны, вон сколько беглых берендеев по ним рыщет. И не все помыслами чисты: иные и не прочь ограбить путника, разжиться легкой добычей.

Добромысл и рад был сватом в Полесье укатить. Терем-то нынешний княжий еще недавно ему принадлежал, и подворье воеводино. Тесно тут было двоим хозяевам, старому и новому. Да вроде Добромысл обиды не затаил, понимал, что не прихотью своей князь Стояр перенес столицу.

За первым возком следовал другой, еще покраше.

– Ой, невестушка твоя, голубка прибыла, – прошипела Дубравка и снова ткнула Мирослава локтем в саднящий бок.

– Отвяжись, анчутка, – взбеленился княжич.

Не врал, не врал батя, что все сговорено, и после Радогощи обвенчают молодых. Оно и правильно – с малых лет Мирослав и Велеслава Берендейская были обручены, да только князь Берендей нарек нарушил, отдал дочку тарханскому нойону. Может, через то все невзгоды его и начались. Так-то Мирославу девицу жаль было, но любви к княжне берендеев он никакой не питал. И князь Стояр, кажись, только обрадовался – сын телом хлипок, княжна до того, как в костяную нечисть оборотилась, тоже здоровьем не блистала, что за дети бы у них пошли? Бетула дело другое. Имя хоть и византийское, а корни здешние, словенские да чудовьи, станом стройна, ликом бела, девка на загляденье. Косищи как змеи, быка ими удавить можно. Сестрица молочная над княжичем давно хихикала. Такая жена мужа несильного на одну ладонь уложит, другой прихлопнет, аки козявку назойливую.

Вот и нынче: возок полесский, в их звериных и травяных росписях, аж дрогнул, когда княжна Бетула из него ступила. Под руки ее тут же мамки и няньки подхватили и повели. Понева на ней была лазоревая, по подолу серебром расшитая, епанча парчовая, голова под венцом платом укрыта, на венце речного жемчуга пуда два будет – а шла невеста, головы не склонив, и на голову над челядью своей возвышаясь. Лицо, понятно, скрыто под платом, чтобы раньше времени жених не прознал ее красоты да люди недобрые не сглазили.

Сзади катились подводы попроще, с девками сенными ее да с приданым. А приданого много, все больше сундуки, верно, с тканями и мягкой рухлядью. Полесичи шить да вышивать мастера. Значит, батя и вено уже за княжну полесскую отдал, сыну не сказавши...

– Водяной бы ее побрал, – тихо ругнулся княжич.

Сестрица безродная обернулась и хрясь – по губам, не накликай, мол, беды глупым словом. Ну что за день!

– Беги давай, – прошипела Дубравка. – Дворня, небось, тебя уж обыскалась. Надо сокола нашего умыть да нарядить, чоботы с такими подковками подобрать, чтобы ты был не ниже невестушки...

– У-у, моранина дочь, – огрызнулся княжич и полез с сеновала – хотя охотней прятался бы тут хоть месяц, хоть целый год, дожидаясь, пока незваные гости покинут терем.

* * *

В покоях князя Стояра пахло дымом, воском и кожей. Светлое дерево стен не покрыто шкурами, как в большой гриднице внизу, а увито красивой резьбой, и столбы посередь комнаты тоже в резьбе. Как полесичи любили разноцветную вышивку, так древоচারы – выпускать из древесной плоти диковинную листву, животных и птиц. Мирослав провел пальцами по теплему тулову столба. Потемнело древо от времени и копоти свечной, а раньше было – золотое, медвяное. Княжич вздохнул. Мамка, пока жива была, часто сказывала про старину, как поклонялись предки высоким дубравам. Нынче молились больше Велесу, добро топили в проруби али в землю закапывали. Тоже, конечно, дело нужное – а все же хорошо, когда шумит над головой зеленая листва, хорошо...

Князь сидел в своем дубовом кресле и хмурился. Высокое чело его пошло ранними морщинами, а ведь не стар был и волосом еще не сед.

– Опять со своей девкой приبلудной куролесничал, – хмуро сказал Стояр. – Пора бы уже и образумиться, отрок. Чай не малое дитя – шестнадцать годков скоро стукнет тебе.

– Отче, не хочу я жениться на Бетуле, – взмолился Мирослав.

«И верно, где я, а где она, вежа полесская».

– Цыц. Не тебе решать.

Встав, князь древоचारов подошел к окну и выглянул наружу, где во дворе теснились подводы с богатым приданым.

– Меняешь ты меня на шкуры и скатерти... – прошептал сын.

Думал, не услышит отец – нет, услышал, развернулся, очами грозно сверкнул.

– Отрок, совсем в тебе ума нет. Как против тарханов стоять будем, если не заключим союз? Берендей решил, что умом больно крепок – мол, нарушит нарек, отдаст дочь за Барласа, и минует их беда. Сам знаешь, что из того вышло. Да и кого мне за тарханского демона сватать, тебя, что ли?

Княжич поежился.

– Встань сюда, погляди.

Парень робко подошел к отцу, выглянул из окна. За частоколом, за тесовыми да соломенными крышами посада блестела лентой баской царевишны река Белая, которую берендеи кликали Белью. К воде клонились ивы да вязы, а сама река обмелела куда как поуже, чем о прошлом и позапрошлом годе.

– Чует сердце, и рекут вещие вороны – поведут на нас тарханы свои войска. Кто встанет рядом с нами на берегу? Князь полесский, Верегут, заключил с вильничами союз. А у вильничей богатые земли, от Полесья и до самого моря. И оружия у них много византийского, даже медницы гремучие, что бросают огненные стрелы и ядра. Если встанем плечом к плечу, одной дружиною – мы, да остатки берендеева воинства, да полесичи, да вильничичи, – не перейдут тарханы реку, обратно в степи откатятся. Для того нам надобен крепкий союз...

Мирослав оглянулся. На красном столпе висели луки с колчанами, полными стрел, по стенам – мечи да щиты, много битв выдавшие на своем веку. Но то было ране. А он-то сам? Годен лишь на затупленных мечах да дрючках сражаться, и стрелок из него – не то что белке

в глаз, хозяину лесному в зад не попадет. Только и остается, что на княжнах чужеземных жениться для крепости отцовских союзов.

«Все равно, – подумал он, – хоть ножом меня режь, батюшка, за Бетулу не пойду».

– Али вскружила тебе голову твоя черноглазая? – нежданно хмыкнул отец.

Мирослав затряс головой, только кудри светлые заплясали. Нет, нет – Дубравка ему сестра... или не совсем сестра? Времени подумать отец, понятно, не дал. Парень опомниться не успел, как увесистый подзатыльник чуть не сшиб его с ног.

– Отдашь невесте нынче вечером на пиру кольцо, – сурово проговорил князь Стояр. – Суженой ее назовешь, а если нарушишь нарок – судьба Велеславы медом тебе покажется.

Вот и весь сказ.

* * *

В поварне дым стоял коромыслом. Помолвку княжича торопили, к пятой страже накрывали столы в большой гриднице. Жарили мясо, рыбу, пекли пироги. Дубравка, только войдя, тут же схлопотала от Богуславы крепкую затрещину.

– Ты где пропадала, анчутка непутевая? – взвилась стряпуха. – Ишь, опять в портки вырядилась, моранино отродье. Лишь бы гузном своим перед княжичем крутить, а дела делать – нет, слишком ручки у нас белы.

Богуслава, хоть и вскормила ее, сурова была к приемной дочери. Помнила, что прикладывала к сосцам не родное чадо, что родное в сырой земле давно упокоилось, в черной Нави с навьими детьми хоромы водит. Дубравка давно это знала. Своя, а чужая, оттого и пряталась то на верхушке старой липы, то на сеновале, а порой думала вообще из селения уйти. Только куда она пойдет? В перунову бывшую рощу плакать на маминой могилке? «Ой земля ты черная, ой могила темная, предо мною расступись, матушка, ко мне явись». А если и вправду явится демоном костяным, служанкой холодной Мораны?

Или к тарханам бежать? Говорили люди, что кожей она смугла и волосом черна, как проклятые степняки, невеста от кого ее мать-то прижила. А от родимой одна память – оберег на шее.

На цепочке тонкой, легкий, вроде из серебра, а вроде и нет. Серебренник княжий, Ходько Влас, так и не сумел определить, что за металл – может, и небесное железо. Оберег тот был не простой, не солнечное колесо або лунница, а в форме цветка. Только какого? Не луговой, не лесной, колокольчик али ромашка, незнамый в этих краях. Инок Диодор, учитель княжичев, поглядел-поглядел да и сказал: «Роза это, гюлистанский цвет. В Бизантиуме тоже розы водятся, но кованые, а не из нитей плетеные». Откуда у мамки роза из Гюлистана? Не узнать теперь.

– На, бестолковая, делом займись, – прошипела стряпуха и ткнула чуть не в нос приемной дочери забитую птицу. – Ощипи утку, да чтобы не пропало ни перышка, ни пушинки. Будет пуховой матрас для княжича с молодой княгиней.

И ухмыльнулась так, что вот бы и врезать. Дубравка сжала кулаки, глянула в мертвый утиный глаз – и не стала, конечно. Пошла на крыльцо ощипывать, чтобы в харю стряпухину противную не смотреть и ненароком не плюнуть.

Весь двор был заставлен подводами. Еще бы, княжья помолвка – не барсук чихнул. Странно только, что сам старший полесский князь Верегут не явился. Захворал, может? Зато сколько добра за невестой прислал, три дня и три ночи разгружать. Права Богуслава, хоть и зла, а права – куда Дубравке до княжеского сына? Приблуда нищая, вот она кто, не лучше беглых берендеев. Хуже, те хоть лицом и волосом светлы, княжичу родня. И никому нет дела до того, что любит Мирослава какая-то там чернавка, с малых лет любит. Так бы к сердцу и прижала, от любой беды оберегла брата молочного. Да как убережешь?

Глава 2

Помолвка

Столы в большой гриднице были расставлены покоем. За верхним столом – князь Стояр в кресле резном, одесную от него княжич, ошую на простой лавке – воевода Добромысл. На князе кафтан из византийского аксамита, соболем подбитый, широкий кожаный пояс, кудри темные спадают на лоб из-под горлатой шапки. Мирослава облачили в красную рубаху, в богатые парчовые порты, на голове – тафья, в глазах тоска. По правую руку стол с боярами да наилучшими из гридней, по левую – женский стол, там невеста с боярынями своими, свахами да друзьями. У порога скучали скоморохи, гусяры и плясцы, ждали своего часа и жадно пилились на угощение.

Стол роскошный ломился от яств. Тут тебе и хлебы, и поросята жареные, и всякая дичина, и утки, и куры, и лебеди, рыба речная, в корчагах ставленный мед, а вино редкое, византийское, – в глиняных горшках, по прозванию амфоры. Ключник носатый, Ерофим, управлял чашником, да десятком отроков, да поварятами, что из кухни таскали блюда, чтобы стол не опустевал, чтобы всем были вино и мед налиты. В стенных кольцах горели пучки лучин, на столах – восковые свечи. Светло, как днем, блики скачут по доспехам, мечам и щитам, что на стенах развешены.

Всего этого Мирослав, считай, и не видел. Не ел, не пил, в кубок пустой пилился. Единственное утешение – не свадьба это. Не свадебный пока пир, лишь помолвка. Свадьбу по обычаю справят, после Радогощи, а пока – только колечко невесте на палец надеть, милой своей назвать. Милой. Вон расселась вежа, надо всеми за своим столом возвышается. На голове все тот же венец двухпудовый жемчужный, а выю не гнет. Тоже ничего не ест, не пьет, лицо густым покрывалом завешено, но чуял княжич – Бетула из-под покрывала на него так и зыркает. Дружки ее, родня и свойственницы, тоже отчего-то казались невеселыми. Будто не под венец кровиночку свою провожали, а в ледяной омут.

Значило ли это, гадал Мирослав, что княжна полесская сама такому браку не рада? А если поговорить с ней, уломать – вдруг откажется? Она-то жениха на три года постарше, может, есть у нее уже друг сердечный? А почему бы и нет, из вильнических князей? Те галантные, в железных доспехах, девкам руки, говорят, целуют и на колени перед ними так и норовят пасть, и на византийский манер сражаются за сердце дамы своей на турнирах. А мы тут попроще, попроще, нам что – лаптем щи из жбана хлебать, хлебной корочкой заедать. Может, не пойдет за него?

– Чего нос повесил? – шепнули в левое ухо.

Скосил глаз, и точно – там Дубравка стоит с ковшом, как бы мед ему в кубок подливает. Опять парнем вырядилась, непутевая, смешалась с поварятами да отроками. Косы под шапку убрала, мальчишка и мальчишка.

– Али невеста не любя?

Смеется, потешается. Шугануть бы ее как следует, да князь-отец заметит. И так отец суровый думает, что между ними приязнь, и отнюдь не братская и не сестринская. Шикнул было, да все заглушили заздравные речи. Поднял чашу свою воевода Добромысл, бороду вперед выставил и как гаркнет:

– Пью за княжича и его суженую! Пусть живут в любви и согласии, как голубь с голубкой. Пусть дом их будет полной чашей, как чаша сия, а дети крепкими растут и здоровыми! Пусть крепок будет союз их, как сталь, и светел, как кольцо из чистого золота!

Гости загомонили, а княжич похолодел – то было знаком. Как тостования поутихли, воздвигся со своего места сам князь Стояр, руку поднял. На ладони его поблескивало кольцо золотое с червленым яхонтом, на устах – улыбка, а в глазах холод лютый.

– Сын мой! – возгласил он, глядя сверху вниз на юного княжича. – Ныне день великий – день твоего сговора. Ты избрал себе суженую, и мы, старики, благословили сей союз.

Гости снова загомонили, однако князь вскинул длань – не окончил, мол, речь.

– Но слова и рукобитье, – продолжил он, – надо скрепить знаком верным. Как это кольцо не имеет начала и конца, так и любовь ваша да не знает края. Возьми же сей сговорной перстень и надень на десницу своей невесты. Пусть будет он ей залогом твоей верности и нашим княжеским словом, что отныне она – твоя суженая и будущая княгиня. А вы, гости честные, будьте свидетелями сему!

В наступившей тишине Мирослав услышал, как льется тонкой струей из братины мед на пол, и не надо было оборачиваться, чтобы понять, – братина та у Дубравки в руках. Вот неуклюжая! Девка, однако, быстро спохватилась, отступила за спины служек-отроков. Княжич встал медленно, словно выдирался из цепких пальцев зимы, а на шее – ярмо тяжелое. Неохотно принял кольцо из отцовской руки и пошел под общими взглядами к невестиному столу. Та, вежа немислимая, уже воздвиглась ему навстречу, протянула десницу в широком рукаве, отставила палец безымянный. Верно, на шуйцу наденет после свадьбы, когда десница обручальным кольцом украсится. Таков их, древочарский, обычай.

«Откуда она знает? – подумал княжич, передвигая ноги деревянные. – Мамки, что ли, наплели, или Добромысл наш порядок поведал?»

Он смотрел на пальцы княжны полесской Бетулы, смотрел и не понимал, что не так. Худые пальцы, смуглые какие-то, и рука будто вовсе не женская, и тут его пробрало – ногти то, длинные, прямо не ногти, а когти, золотой краской измазаны! Вовеки такого не было, чтобы мужики али бабы словенские ногти себе краской размалевывали, зато у другого племени это было очень в ходу. У проклятых тарханов!

Княжич встал как вкопанный, так и замер с кольцом в руке. А по гриднице разнесся тихий смех.

– Что же ты замер, женишок? Не хочешь своей суженой колечко на палец надеть? Может, не дорос еще?

Мирослав как стоял, так и продолжил стоять, дурак-дураком. Он слышал крики и лязг мечей, доносившиеся из-за дверей гридницы. Видел, как двери распахнулись, и в палаты вломились темнокожие люди в халатах, в стеганых и пластинчатых доспехах, в шеломах, с кривыми саблями и луками. Засвистели стрелы. Княжеские гридни, не успев и взяться за оружие, попадали, где сидели, некоторые так и не выпустив из рук пиршественных чаш. Кровь смешалась с заморским вином. Время словно замерло, как замер сам княжич.

Вот Добромысл вскакивает с лавки своей, и в руках у него почему-то сабля, и сабля эта острием прижимается к горлу князя. Вот верные сподручники его, Жар да Борислав, срывают со стены мечи и бьют ими княжеских дружинников. Дружки невесты разбегаются, прячутся под столы, но без криков, без суеты, словно так и было сговорено. А сама невеста сбрасывает плат и епанчу свою, а под епанчой не сорочка и не понева, серебром шитая, а легкий пластинчатый доспех поверх черной ткани халата. Лицо невесты – не невесты темное, тонкое, острое, на лбу и по щекам до подбородка узоры черные с золотом, прямо на коже набитые, выются. Брови насмешливо вскинуты, под ними глаза раскосые, длинные, нечеловеческие, и горят чистым золотом. Не бывает у людей таких глаз, словно все драгоценные перстни мира сплавляли в одном котле. Смоляные волосы собраны на макушке в высокий хвост, на прихотливо изогнутых губах усмешка.

– Что, женишок, не по нраву пришлась тебе невеста? Вот и мне твоя Велеслава не оченьглянулась, да что поделать...

В голосе его слышались шелест песка и пение тетивы, чужой голос, слова вроде все понятные, а все равно – чуждые.

– На колени! – заорал между тем воевода Добромysl, продолжая грозить своему князю тарханской саблей. – На колени перед владыкой мира, повелителем всех, рожденных на земле и под землей, покорителем Царства Цинь и Гюлистана, избранным Эрлика-Губителя, великим царевичем Барласом!

– Как ты можешь, изменник, – прохрипел князь Стояр.

По горлу его уже струйка крови текла – порезала тарханская сталь кожу на шее.

– Народ свой предал, князя предал своего. Сам на колени, мразь!

Доброслав ухмыльнулся, широко, так что густая борода на две стороны разъехалась.

– А кто тебя сюда звал, князь? Ты беду на нас накликал. Ты приютил нечестивого Берендея, привел его в Беловодье. Что же мне, ждать, пока тумены доблестного Барласа реку перейдут и всех людей моих, как овец, перережут, а город пожгут? Не я, а ты предал народ наш, Стояр! Не я, а ты приволок сюда колдуна, что дочку свою в нежить превратил и науськал на царевича, да славится его имя от первого до последнего моря!

– А полесичи? – тихо проговорил Стояр.

– Полесичи, – ответил ему тарханский нойон, что так долго прикидывался невестой, – оказались умнее тебя, как и твой воевода. Бетула уже два месяца как украсила мой цветник. Видишь, и одеждой своей поделилась для моего представления. Она куда горячее и сговорчивей вашей демоницы, хоть и та меня изрядно повеселила. Что касается Верегута, он снабдил меня сундуками и повозками, чтобы провезти в твой дворец моих воинов. Сдавайся, кнез. Хотя можешь и не сдаваться, мне все равно...

Мирослав, все еще недвижимый, аки столп, не успел ничего понять, а царевич Барлас уже схватил его за руку, перебросил через стол, прижал спиной к себе и приставил к горлу кривой нож. Так и стояли теперь отец и сын, друг напротив друга, и у обоих шеи обжигала холодная сталь.

– Мой отец, владыка душ хан Эрлик, отчего-то любит, когда во славу его льется горячая человеческая кровь. Я не разделяю его пристрастий, мне достаточно крови быка или коня, но кто я такой, чтобы обсуждать вкусы Эрлик-хана? – улыбнулся царевич. – Потому вы оба будете принесены ему в жертву этой ночью. А ты, басхаг Добромysl, получишь во владение их улус, когда твои воины приведут ко мне беглого раба Берендея.

Мирослав знал, что должен посмотреть в глаза отцу, но не его он выглядывал в струсившейся у противоположных дверей гридницы толпе. Там степняки тарханского нойона поставили на колени отроков, поварят и прочую челядь, отделив их от гридней и кметей. Верно, затем, чтобы оставить в живых, ведь прислужники нужны не только древоچارскому князю. И там, среди светлых голов да бледных лиц, горели неистовым огнем черные глаза Дубравки. Как бы девка чего не учудила... Как бы, ведь она может, нет уж, пускай живет, пусть хоть она живет...

За красными дверьми, за которыми уже давно стихли крики и лишь слабо тянуло кровью, требухой и дымом, раздались шаги. Нет. Не шаги. Скрежет. Словно костью или гвоздем железным вели по камню, резкий отвратный звук.

Тарханы заглядывались, а Мирослав почувствовал, как напряглась рука Барласа у его шеи, как сжались пальцы на рукояти ножа. Царевич тихо зашипел, словно кот речной али ласка, увидевшая змею. За дверьми коротко крикнули на чужом языке, крикнули и забулькали, захрипели рваным горлом. Послышался чавкающий непонятный звук, потом как будто об пол грянулось несколько тел.

А затем в гридницу вступила ОНА.

* * *

На первый взгляд – худенькая девица с длинными русыми волосами, почему-то в косы не заплетенными. На первый взгляд... Дубравка сморгнула. Нет, не могло этого быть. Этого. Всего. Быть. Не могло.

Не мог ее княжич вот так, одним днем, стать не ее, а верзилы Бетулы.

Не мог Стояр продать сына за мягкую рухлядь, за красивые кольца, да хоть и за уговор стоять вместе против тарханов.

Не могла невеста Бетула обернуться этим... черным с золотом... как подземный змей Волос.

Не мог верный Добромысл предать князя.

Не могли за мгновение ока полечь могучие гридни.

Не мог змей подземный ухватить ее Мирослава и приставить к тонкой вые его нож.

А пуще всего – не могла она, Дубравка, на это смотреть, не могла пасть на колени от удара степняка и глупо пялиться, как ее милому режут горло, как сулят ему смерть во славу Черного Эрлика.

Нет, должно быть, все случилось не так.

Отринул княжич обручальный перстень.

Смилоствовал строгий Стояр, не стал сына неволить.

А если и стал, Бетула кольца не приняла.

А если и приняла, оказалась просто княжной полесской, а не этим, страшным, со взглядом золотым.

А если и был страшный, то схватил Добромысл верный меч, бояре его, Жар да Борислав, тоже за мечи схватились, встала вся княжья дружина да посекала лютых врагов, так что мясо их три дня и три ночи вороны клевали.

А если и нет, то ринулась она, Дубравка, сорвала со стены светлый клинок, и предателя Добромысла поперек спины – хрясь – и надвое развалила, пусть княжий терем черным делом не поганит.

Но нет.

Вместо этого в гридницу вошла ОНА.

На первый взгляд – худенькая девица с длинными русыми волосами.

В рубахе простой льняной.

На первый взгляд.

Только рукава и перед и подол рубахи отчего-то в крови.

Кровь на пол – кап, кап.

А из рукавов высовываются руки княжны берендеевой, Велеславы.

Почти по полу волочатся.

Потому что не руки то, а лапы длинные, тощие, бледные, костяные.

И вместо пальцев – когти изогнутые, в кровище.

Когти по полу скребут, оставляют царапины длинные, как борозды от сохи во поле по весне.

Скрип-скрип под ногами ее добрые дубовые доски, словно не девка тощая идет по ним, а медведь пробирается, бер, хозяин лесной.

Скрипи-скрипи нога липовая.

– Гляжу, свадьба тут у вас, – говорит княжна Велеслава и главу на шее тонкой поворачивает, только не может человек так шею вывернуть.

И глазищи у нее черные, как подмирная тьма.

Глядит она черными глазищами своими прямо на царевича тарханов, а получается, что и на княжича, которого царевич за горло держит.

– Веселье. А ведь жених-то чужой.

Нечисть распахивает рот и то ли хрипит, то ли давится, то ли смеется.

Земля сыплется у нее из пасти от этого смеха, сырая земля.

– Оба жениха чужие, оба мои. Заберу. Обоих. Мои. Мое. Заберу.

По доскам дубовым иней ползет серебром, лютый холод, так что тела гридней на полу мигом покрываются изморозью.

Дубравку изнутри бьет дрожь, но так застыла она, что и пальцем не пошевелить, рукой не двинуть, ни моргнуть, ни охнуть. Дыхание вырывается изо рта облачками пара, да не только у нее – у всех, и у древочаров, и у полесичей, и у степняков.

Костяная демоница клешни свои вытягивает, когти-пальцы растопылив.

– Ааааа, – стонет Дубравка и сама не замечает, как стонет.

Силится, сжимает в руке матушкин оберег. Острые грани цветка впиваются в ладонь, чуток приходит Дубравка в себя. И видит, как демоница подбирается и прыгает, вытянув костяные лапищи, прямо на Барласа... прямо на Мирослава.

– Нет! – вопит Дубравка, вскакивает с колен, срывает с шеи материнский оберег и выставляет перед собой. – Не дам, нет!

Из оберега рвется свет, золотой, разящий, ярче ярилина пламени, ярче перуновых стрел.

И все, и ничего больше нет, кроме этого разящего света.

Глава 3 Тарханский царевич

Очнулась Дубравка в яме. В том самом порубе с бревенчатым накатом, где держали наилютейших татей, душегубов да насильников. Было тут темно, сыро и зябко даже в жарком серпене. Пол земляной, да еще и руки за спиной спутаны. Над головой лучи ярилины били сквозь деревянную решетку. Все тело болело – видать, от тычков, что ей тарханы поганые навесили. Или нет? Ничего она не помнила, кроме золотого жгучего света.

– Эй, – крикнула девица. – Эй, кто-нибудь!

Кричала, кричала, чуть не охрипла. И мысли все это время грызли тревожные. Что с Мирославом? Что с князем? Неужто пожрала любого костяная демоница? Или, того хуже, как сулил проклятый царевич Барлас, принесли его с отцом в жертву ненасытному Эрлику, богу тарханского Подмирья? Сколько времени прошло с злосчастного пира: день, ночь, два дни? В плотке саднило, пить хотелось ужасно.

– Эй, дайте хотя бы воды!

Когда показалось, что бок примерз к земле сырой, а руки совсем уже онемели и даже не ворочались, решетка поднялась. Сунулся в яму кто-то темный, в плечах широкий, с бородой – видать, не степняк. Из дружинников Добромысла, трусов и предателей?

Сощурилась против света. Так и есть. Гридень ближний Добромыслов, по прозвищу Серьга. Он серьгу большую серебряную в левом ухе носил, оттого, видать, так и прозвали.

– Полно орать! – выверился. – Хочешь воды? Будет тебе вода.

Сначала Дубравка не поняла, а потом, как опрокинул на нее душегуб полную бадью воды колодезной, ой как поняла.

– Охолони. Вытащу тебя сейчас из ямы, брыкаться не думай. Царевич желает с тобой, козой недоенной, разговаривать.

Она и не брыкалась. Только плюнула в рожу Серьги, заметным шрамом поперек щеки украшенную, за что получила еще два не то три пинка. Сильно, однако, не бил. Проволок через двор, мимо стражей тарханских, что стояли у красных дверей. Дубравка оглядеться хотела, да свет бил в глаза больно. Ясно, что день, что в кучу на дворе тела свалены, и мужские, и несколько бабьих, раздетые все донага и обезображенные. Терем вроде не пожжен, но никого,

кроме тарханов и извергов добромысловых, нет кругом. Ни курей, ни гусей, ни прочей птицы, что обычно перед поварней зерно клевала – всех, видать, поели.

Втолкнул ее Серьга в двери гридницы, на пол швырнул и сам на колени бухнулся. Червь позорный.

Дубравка осторожно голову подняла. Столы убрали. Богуслава – вот те раз, жива, карга зловредная – ползала по полу с еще несколькими дворовыми девками, кровь тряпками оттирали. А на княжьем престоле, на резном дубовом кресле, восседал – ну кто бы вы подумали?

Доспеха на нем нынче не было. Была легкая, широкая да долгая рубаха, золотой нитью расшитая, богатый пояс схватывал тонкий, не по-мужски, не по-воински, стан. На ногах шальвары широкие, какие, говаривали, девки срамные византийские таскают в их поганных термах. Тьфу и тьфу, плюнуть противно. Чоботы богатые, сафьяновые, в каких полесской невесте на свадьбе выплясывать бы пристало. Только золотые глаза с полуопущенными веками девичьими отнюдь не казались.

– Ну приветствую тебя, воительница, – протянул он все так же нашим – не нашим говором, будто степная трава шелестнула.

В правой руке у царевича был кубок, и туда бы Дубравка тоже с радостью плюнула. Левая, долгопалая, с золотыми ногтями, срам да и только, покоилась на золоченом подручнике кресла.

– Видно, я должен быть тебе благодарен за спасение от костяной ведьмы – хотя с ней бы я и сам управился. Думаю, не меня ты, красавица, спасала.

Дубравка сжала зубы. Руки ей так и не развязали, веревка натерла запястья. Да и что говорить? Спрашивать, где княжич, где князь, что случилось вечер в большой гриднице? Не ответит.

Царевич Барлас подался вперед, как будто вглядываясь в пленницу. Махнул рукой, и Серьга, кланяясь, усочился за дверь. Все чернавки во главе с Богуславой, курицей слепородой, тоже покинули палату.

– Скажи мне лучше, – проговорил тарханский нойон, – где ты эту вещицу взяла?

Только тут Дубравка заметила, что лежит у царевича под левой рукой. Цепочка тонкая, серебром отблескивающая. Родной матушкин оберег! Рванулась вперед, на колени перекатилась, попробовала встать – да куда там, не держали ноги. Обратно набок повалилась.

– Больно ты быстра, – раздумчиво протянул царевич. – Итак. Откуда у тебя гюлистанский амулет?

Отроковица вздрогнула, закусила губу. Гюлистанский? Ну да, вроде Диодор что-то такое сказывал.

– Ты, конечно, на здешних бледных мышей не очень похожа, – продолжал Барлас. – Смуглая, черноволосая... только это не просто древняя вещица из Гюлистана, а боевой амулет пери, дочерей царя джиннов... а пери ты быть никак не можешь.

– Чего это не могу? – вскинула голову пленница.

Шапки ее давно лишили, черные косицы рассыпались по плечам. Чтобы насолить Богуславе зловредной, заплетала их Дубравка не по-здешнему, а так, как видала на молодой княжжеей наложнице с юга, Ясмине – не одна, не две косищи, а много-много мелких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.